

В отличие от Шэнь Минчэна, одетого в строгий костюм, семнадцатилетний юноша был облачен в длинное белое платье из шелка, расшитое черным бамбуком, с накинутым сверху коричнево-черным плащом из лисьего меха. Его кожа была белоснежной, губы ярко-красными, а на лице виднелась легкая детская полнота, не скрывающая изящных черт. В руках он держал пакет с бататами и жевал один из них.

Он выглядел как зритель, наблюдающий за спектаклем, с наивным и невинным выражением лица, которое вызывало раздражение.

Вторая наложница не знала, радоваться ли, что он пришел, или злиться. Он давно был здесь, но наблюдал, как она лжет и ставит себя в неловкое положение.

Она быстро подошла, взяла его за руку и с упреком сказала:

— Ты же болен, зачем ты выходил? Только заставил всех волноваться. В следующий раз так не делай.

Шэнь Мянью улыбнулся:

— Хорошо, мама.

Она слегка ущипнула его за руку, и он притворился, что кашляет, сказав:

— Простите, я не хотел никого беспокоить. Просто подумал, что брат, вернувшись из-за границы, может скучать по домашней еде. Я обошел весь город, но ничего подходящего не нашел.

С этими словами он протянул оставшийся батат Шэнь Минчэну:

— Брат, это мой маленький подарок. Я сам попробовал, он очень сладкий. Надеюсь, ты не откажешься.

Шэнь Минчэн молча смотрел на него.

Батат был еще теплым, и Шэнь Мянью держал его в руках всю дорогу. Когда Шэнь Минчэн взял его, его холодные руки сразу согрелись, что вызвало у него некоторое замешательство.

Вторая наложница, глядя на своего сына, который выглядел как простоватый деревенский парень, и на Шэнь Минчэна, одетого в строгий костюм, умного и уверенного в себе, почувствовала себя неловко.

Она сердито сказала:

— Минсюань, твой брат видел многое. Что за подарок — батат?

Вокруг раздались смешки, и другие наложницы не упустили случая поиздеваться, притворяясь, что защищают Шэнь Мянью, но на самом деле насмехаясь.

Шэнь Минчэн сказал:

— Спасибо, брат. За эти годы за границей я часто скучал по этому вкусу.

Окружающие замолчали, и даже первая госпожа нахмурилась.

Шэнь Сяовэй, видя, что вся семья в сборе, не стал разбираться.

Был ли второй сын болен или сбежал слушать оперу, для него это не имело значения. Он и сам любил слушать музыку, и если это не мешает делам, то в чем проблема?

Он махнул рукой:

— Ладно, не стойте у входа. Заходите, пусть подают еду. Минчэн, Минсюань, сегодня мы с вами выпьем.

— Хорошо, отец, — ответили они.

Братья последовали за главнокомандующим. Шэнь Минсюань был не низкого роста, но Шэнь Минчэн был слишком высоким и статным, что делало младшего брата более миниатюрным.

Шэнь Мянью, жуя батат, тихо икнул.

В шумной комнате это никто не услышал, кроме Шэнь Минчэна, который стоял рядом.

Он усмехнулся.

Шэнь Мянью покраснел и смущенно сказал:

— Брат, давно не виделись, и я уже успел опозориться перед тобой.

Шэнь Минчэн не видел младшего брата четыре-пять лет и помнил его как капризного и вспыльчивого мальчика. Теперь же он увидел перед собой изящного и чистого юношу.

Он сказал:

— Мне это нравится.

Шэнь Мянью поднял бровь и посмотрел на него:

— Что именно нравится?

Шэнь Минчэн не ответил, но его взгляд упал на губы Шэнь Мянью, испачканные бататом. Это выглядело неопрятно, но почему-то не вызывало отвращения.

У него была легкая брезгливость, и он достал платок, протянув его Шэнь Мянью:

— Вытри губы.

Шэнь Мянью взял платок, небрежно вытер губы, но не до конца.

Шэнь Минчэн, видя это, взял платок и аккуратно вытер его губы. Они были мягкими и нежными, и это вызвало у него странное чувство.

Он замер.

Шэнь Мянью посмотрел на него:

— Все?

Шэнь Минчэн кивнул и быстро убрал руку.

— Спасибо, брат.

— Не за что.

Для окружающих они были братьями, и ничего странного в этом не было. Но сам Шэнь Минчэн чувствовал себя неловко.

Они никогда не были близки, и за годы, проведенные за границей, он не писал писем и не отправлял телеграмм. Они были чужими людьми.

И тем более, его брат был слишком красивым, что вызывало у него еще большее смущение.

За обеденным столом главнокомандующий и первая госпожа сидели во главе, а за ними — два сына и две дочери.

Шэнь Минсюань, хоть и был молодым, умел говорить сладкие слова и развлекать, поэтому его младшие сестры любили с ним играть.

— Брат, а почему ты не купил нам бататов? — тихо спросила Шэнь Минхуэй.

— Минхуэй, ты хочешь быть такой же толстой, как второй брат? Я точно не хочу, — с высокомерием сказала Шэнь Минсюэ.

Шэнь Мянью удивился:

— Я толстый?

Он потрогал свой живот и щеки, притворившись расстроенным:

— Ох, я, кажется, поправился. Наверное, это из-за бататов.

Девочки рассмеялись:

— Это тебе за то, что ешь один!

Шэнь Сяовэй тоже улыбнулся:

— Ваш брат не толстый, он просто счастливчик. Вам тоже нужно больше есть, иначе откуда брать силы?

— Хорошо, папа! — ответили девочки.

Шэнь Мянью действительно не был толстым, но его тело было мягким, а маленький рост делал его милым и уютным.

Раньше он всегда был стройным, и внезапная полнота не радовала его.

Конечно, он скрывал свои эмоции.

Он кусал палочки для еды, размышляя, что выбрать, но на самом деле думал о том, как похудеть.

Вдруг в его миску положили кусок сладко-кислого карпа.

Шэнь Минчэн сказал:

— Я помню, ты любил это в детстве.

Он смотрел на Шэнь Мяня, как бы спрашивая, не ошибся ли он.

Конечно, он не ошибся.

Шэнь Мянью улыбнулся, и на его щеке появилась ямочка:

— Брат, у тебя отличная память. Я до сих пор люблю это.

С этими словами он съел рыбу.

Сколько это калорий?

Не успел он подсчитать, как его миска уже была полна.

Шэнь Мянью: «?????»

К счастью, Шэнь Сяовэй вовремя вмешался.

— Минчэн вернулся, и наша семья снова вместе. Сегодня я счастлив, наливайте всем вино, будем пить!

Шэнь Мянью любил вино, потому что никогда не пьянел, но мог притвориться пьяным.

Конечно, в прошлом мире был «тысячелетний хмель», но это было исключение.

Он сделал небольшой глоток, вкус был гораздо лучше, чем в Грушевом саду. Это было хорошее вино, и он, притворившись, что оно слишком крепкое, тихо вскрикнул.

Шэнь Минчэн улыбнулся:

— Минсюань, ты еще не умеешь пить?

Шэнь Мянью ответил:

— Умею, но редко пью. Оно слишком крепкое, от пары глотков у меня голова кружится.

Шэнь Минчэн улыбнулся еще шире:

— Это приходит с опытом. Чем больше пьешь, тем легче.

Шэнь Мянью кивнул и медленно выпил содержимое бокала.

Он хотел создать у Шэнь Минчэна впечатление, что он безобидный и не представляет угрозы. По крайней мере, не для него.

Тогда этот мужчина перестанет его бояться и будет защищать.

Ведь в этом мире убийство не считается преступлением.

После ужина Шэнь Мянью уже лежал на столе, «пьяный» до беспомыслия.

Шэнь Сяовэй рассмеялся:

— Этот маленький пьяница, не умеет пить, но старается изо всех сил! Нельзя научиться за день или два. Эй, проводите второго молодого господина в комнату.

Шэнь Минчэн сказал:

— Я провожу Минсюаня. Это я его уговорил пить, и я должен довести его до конца.

Первая госпожа нахмурилась:

— Минсюань не легкий, ты его не поднимешь. Пусть слуги отведут его.

— Минсюань легкий, я справлюсь.

Первая госпожа хотела возразить, но Шэнь Сяовэй остановил ее.

Отец всегда надеется, что его сыновья будут дружны, и он улыбнулся:

— Пусть слуги покажут тебе дорогу. В поместье многое изменилось, ты можешь заблудиться.

— Хорошо.

Шэнь Минчэн опустился на колени перед Шэнь Мяннем и сказал:

— Минсюань, садись, я отвезу тебя.

Шэнь Мяннь потрогал его спину и прошептал:

— Брат...

Затем он сонно обнял его и уснул.

<http://bllate.org/book/15553/1415172>